

УДК 27-772(571.53)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.23>

Отражение этоса духовенства в отчетах о состоянии епархий Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.)

Г. В. Оглезнева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Исследуются отчеты о состоянии Иркутской, Енисейской и Забайкальской епархий как источник изучения этоса духовенства, который определяется как соотношение нормативных ценностей представителей духовенства с их практической деятельностью и житейским поведением. Реконструируется нормативная модель поведения белого духовенства и ее трансформация в связи с изменением объективных условий его деятельности. Анализируются представления епархиального руководства о расхождении между «сущим» и «должным» в пастырской деятельности духовенства, причинах, следствиях и мерах преодоления этих расхождений. Содержание отчетов позволяет сделать вывод о том, что в конце XIX – начале XX в. происходит определенное «обмирщение» этоса духовенства, поскольку нормативная модель поведения предполагает повышение ответственности приходского духовенства не только за пастырское, но и за общественное служение.

Ключевые слова: отчеты о состоянии епархий, этос, духовенство, Восточная Сибирь, вторая половина XIX в.

Для цитирования: Оглезнева Г. В. Отражение этоса духовенства в отчетах о состоянии епархий Восточной Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 36. С. 23–31. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.23>

Этос как предмет изучения все чаще привлекает внимание историков не только в связи с исследовательским потенциалом, но и благодаря своей многозначности. В данной публикации этос рассматривается как промежуточный уровень между «сущим» и «должным», как соотношение нормативных для духовенства ценностей с их практической деятельностью и житейским поведением. Не рассматривая православный этос в целом, выделим те составляющие, которые И. А. Ильин считал основами христианской культуры: дух совершенствования, ответственности, прилежания, добросовестности, труда, самообуздания, дисциплины, дух предметного служения делу Божьему на земле [1, с. 25]. Все эти ценности должны были составлять основу жизнедеятельности всякого христианина, а для духовенства быть ориентирами пастырского служения, поэтому можно рассматривать их как нормативно-целостную составляющую в сословной и профессиональной социокультурной практике.

Важным и информативным источником изучения этоса духовенства являются отчеты о состоянии епархий. Исследователи традиционно использовали их для характеристики различных сфер жизни и деятельности епархий, но информационный потенциал этого источника в том числе дает возможность более подробно рассмотреть комплекс требований, предъявляемых белому духовенству, а также их реализацию в жизни и деятельности с учетом региональных особенностей.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Восточной Сибири шел процесс дробления епархий: в 1861 г. Енисейская епархия выделилась из состава Томской, а в 1894 г. самостоятельной стала Забайкальская епархия, ранее входившая в состав Иркутской. В отчетах о состоянии Иркутской (1861–1916 гг.), Енисейской (1861–1915 гг.) и Забайкальской (1894–1916 гг.) епархий был обязательный раздел, фиксирующий количественный состав приходского духовенства, его образовательный уровень, а также некоторые качественные характеристики. Отчеты были ежегодными, что позволяет проследить степень и направление трансформации нормативных требований и их воплощение в пастырской деятельности и житейском поведении. Ценность источника еще и в том, что он отражает этот процесс изнутри, включая осознание причин отступления от нормы и трудностей в борьбе с деформацией этоса.

В отчетах о состоянии епархий отражался и личный этос епархиального архиерея, его понимание нормативной модели поведения и отступлений «сущего» от «должного». Наиболее интересными в этом смысле представляются отчеты о состоянии Иркутской епархии в 1860-х гг., подписанные архиепископом Парфением. В них обобщающей характеристикой духовенства служит «исправность», которая включает несколько взаимосвязанных критериев. Прежде всего это уровень профессиональной подготовки священников, который на протяжении всего рассматриваемого периода вызывал нарекание. В отчете о состоянии Иркутской епархии за 1861 г. «неисправность» духовенства Забайкальской области связывалась с тем, что у старых и неученых священников «найденно... непонимание не только пастырских обязанностей, но даже главных истин христианских», а исправными названы священники более молодого поколения, особенно вызванные из епархий «средней России»¹. Недостаток образования сказывался на исполнении священнослужителями служебных обязанностей, приводил к отступлениям при совершении богослужений, иногда даже «по незнанию устава», как отмечалось в отчете за 1863 г., вследствие чего пришлось рассылать по всем церквям Иркутской епархии руководство к изучению богослужения². Указывалось на редкость чтения священниками даже печатных проповедей, при этом оговаривалось, что выпускники семинарии могли читать поучения собственного сочинения³. Компенсировать недостаток образования могло саморазвитие, чему способствовали церковные библиотеки, хотя и небога-

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 51. Л. 22.

² Там же. Д. 173. Л. 20.

³ Там же. Л. 20 об.

тые. Но чтение, как подчеркивалось, «не в употреблении у большей части священников»⁴. Таким образом, добросовестное исполнение пастырской службы требовало самообразования, труда и прилежания, и недостаток всех этих качеств осуждался.

В то же время архиепископ Парфений обращал внимание не только на формальное образование духовенства, но и на его применение в практической деятельности. Так, в отчете за 1863 г. он отмечал, что из четырех протоиереев, окончивших курс в духовной академии, только один – Прокопий Громов – имеет образование, достойное образовывавшегося в академии, а двое из них приносят на службе меньше пользы, чем окончившие курс в семинарии. При этом архиепископ сетовал, что Иркутская семинария плохо готовит своих воспитанников к будущей деятельности, поскольку «между наставниками с давних времен образовалось светское направление с антипатией к духовному званию, а это направление имеет бесполезное влияние и на воспитанников». В результате «исключая немногих, остальная часть священников очень недалеко по образованию, тем более, что слишком немногие из священников продолжают образование свое по окончанию курса учения»⁵. Таким образом, важен был не только уровень образования, но и подготовка именно к пастырскому служению, которое требовало постоянного осознанного совершенствования. Поэтому не одобрялось «свободное умствование» и чтение книг «с легким содержанием и с неблагоприятными для веры и церкви рассуждениями», которые приводили, по мнению Парфения, к малому уважению устава церкви и шаткости в догматах веры⁶.

Много нареканий вызывало у Парфения недобросовестное исполнение священниками своих обязанностей: равнодушное отношение к тому, что немалое число возрастных прихожан «отходят в вечность без напутствия», пренебрежение обязанностью учить прихожан начальным истинам веры, заповедям и молитвам. Еще более огорчало архиепископа то, что он не видел «духовного союза между священниками и прихожанами как отца между детьми и вследствие этого нет религиозного и нравственного влияния на прихожан»⁷. Исключения составляли некоторые из лучших священников, «долго пробывшие на одном и том же приходе». Вероятно, Парфений полагал, что длительное общение с прихожанами, установление с ними неформальных отношений, а также возраст могли компенсировать недостаток формального образования священнослужителей. Для сравнения можно привести суждение епископа Томского и Енисейского Порфирия, который видел залог усиления влияния духовенства на прихожан именно в увеличении числа священников, окончивших духовную семинарию⁸.

Отчеты о состоянии епархий за 1870–90-е гг. отражают снижение требований к образовательному уровню духовенства, что объяснялось общими

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 51. Л. 22 об.

⁵ Там же. Д. 137. Л. 25 об. – 26.

⁶ Там же. Д. 319. Л. 14.

⁷ Там же. Д. 319. Л. 43 об.

⁸ Там же. Д. 77. Л. 7.

для Сибири причинами. По мере роста населения и строительства новых храмов увеличивалась потребность в священнослужителях, которую духовные семинарии Восточной Сибири не могли удовлетворить, что приводило к острой нехватке кадров. В 1881 г. архиепископ Иркутский Вениамин констатировал, что недостаток в образованных священниках вынуждает принимать в семинарию на казенное содержание детей других сословий и все же довольствоваться необразованными священниками. Еще одной мерой восполнения вакантных мест священно- и церковнослужителей был прием на службу не окончивших семинарию, но сдавших специальные экзамены, список которых приведен в отчете за 1893 г.⁹ Кроме того, в духовное ведомство стали вступать выпускники светских учебных заведений.

Особенно усугубилась проблема нехватки кадров в начале XX в., в условиях массового притока переселенцев в Сибирь в рамках столыпинской аграрной реформы. Присылаемые из Европейской России выпускники духовных семинарий и Московских пастырских курсов в начале XX в. оценивались не очень высоко. Так, иркутский архиепископ Тихон считал, что «из Европейской России едут или искатели наживы, или такие лица, которые по тем или иным причинам не рассчитывают получить место в своей епархии»¹⁰.

При этом необходимость в образованных священнослужителях остро ощущалась епархиальными иерархами. В отчете о состоянии Иркутской епархии за 1913 г. архиепископ Серафим восклицал: «...как трудно в наше мятущееся время пастырю без образования. Жизнь выдвигает массу самых разнообразных вопросов, а ответа на них должного не может, по неведению, дать пастырь-простец. И вот народ ищет этого ответа вне церкви...»¹¹ Таким образом, в начале XX в. священник должен был иметь широкий кругозор, подразумевающий не только специальные, но и светские знания, что позволило бы духовенству влиять на мировоззрение мирян и ориентировать их в меняющемся мире.

Это отражалось и в нормативных требованиях к отношениям духовенства с прихожанами. Поскольку главной формой общения священников и верующих были церковные службы, то именно они должны были прежде всего воздействовать на паству. Неоднократно в отчетах осуждалась «неназидательность священнослужения», которая выступает одной из весомых причин охлаждения прихожан к богослужению. Для сближения пастырей и прихожан священникам предписывалось вести назидательные беседы при исполнении треб (крещения, венчания и погребения), читать проповеди. Можно заметить, что в епархиальных отчетах не всегда отражалось содержание этих форм деятельности, что отчасти усиливало негативную характеристику пастырского служения священников. Например, в клировой ведомости церкви Братско-Острожского селения Иркутской епархии за 1872 г. указано, что священник Александр Каллистов, выпускник Костромской духовной семинарии, говорил проповеди «применительно к современным слу-

⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1446. Л. 41.

¹⁰ Там же. Д. 1895. Л. 6 об.

¹¹ Там же. Д. 2580. Л. 14 об.

чаям, например: о нынешних приличиях света вообще, о людях, о молитве внешней и внутренней, о кресте и о крестном знамени, о труде и о том, какой труд и в какой мере может быть спасителен для человека, о табакокурении, об учении грамоте, о необходимости и пользе сего учения и, наконец, о вере, о законе божьем вообще и свободе и том, что такое случай»¹². Тематика проповедей свидетельствует о стремлении пастыря быть наставником прихожан не только в духовных, но и в мирских делах, что соответствовало задачам церкви. Казалось бы, этот пример должен быть приведен и в отчете о состоянии епархии, однако в нем есть лишь общая фраза – «ведутся поучения и беседы» наряду с сетованиями о недостатке в людях, «желающих посвятить себя служению церкви Христовой»¹³.

В 1880-х гг. священникам было вменено в обязанность по воскресным и праздничным дням объяснять Символ веры, Нагорную проповедь, рассказывать сюжеты из священной истории Ветхого и Нового Завета, жития святых, наглядно объяснять детям и взрослым устройство храма и обрядовые действия богослужения. В отчетах отмечается удовлетворительное исполнение этого требования.

Но недостаток «живого пастырского слова» все-таки ощущался, и религиозно-просветительскую деятельность духовенства архиепископы, как правило, считали неудовлетворительной. Отчеты дают возможность сравнить характер требований к приходскому духовенству разных епархиальных архиереев, отражающих их приоритеты. Архиепископ Исаакий в 1881 г., через полгода после управления Енисейской епархией, указывая на недостаток живого общения с прихожанами, считал необходимыми назидательные поучения как с церковной кафедры, так и при любом удобном случае, а также открытие церковно-приходских школ, устройство при церквях библиотек с запасом книг религиозно-нравственного содержания¹⁴. Сменивший его архиепископ Тихон в 1889 г. полагал приоритетной работу с учащимися уже имеющихся церковно-приходских школ, которая не только формирует нравственность учащихся и приучает их к усердному хождению в храм, но и позволяет «внимательно и сознательно относиться к тому, что совершается и поется при богослужении»¹⁵. По его мнению, все это воздействует и на религиозное поведение родителей, которые начинают чаще посещать храм. Таким образом, в конце XIX – начале XX в. при снижении уровня подготовки священников требования к ним повышались – они должны были осваивать новые виды деятельности и совершенствовать традиционные формы служения.

Нравственное состояние духовенства, особенно сельского, всегда вызывало нарекания епархиальных иерархов. В отчетах о состоянии епархий видны различные подходы к характеристике недостатков, но в любом случае старались найти и объяснить причины такого явления. Так, в отчете за 1871 г. нравственное состояние духовенства Иркутской епархии оценивается

¹² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 8384. Л. 3.

¹³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 470. Л. 17 об. – 18.

¹⁴ Там же. Д. 927. Л. 8.

¹⁵ Там же. Д. 1281. Л. 28.

как вообще удовлетворительное, «но из числа священников четырнадцатая часть ведет себя неприлично, большей частью от нетрезвости... Главная причина падения священников зависит от того, что будучи по званию своему духовными, живут, сообразуясь более духу века сего»¹⁶. Это суждение архиепископа Парфения в какой-то степени демонстрирует снижение требований к нормативно-ценностным составляющим этоса православного духовенства.

Примеры отступления от духа самообуздания и дисциплины наглядно представлены в отчетах о состоянии Енисейской епархии. Если в 1861 г. епископ Томский и Енисейский Порфирий указывал, что «чаще других подвергаются нареканиям и взысканиям низшие чины причта за нетрезвость, а священники за вымогательство при требоисправлениях»¹⁷, то в начале XX в. в отчетах приводится подробная информация о проступках священников. Это позволяет ясно увидеть, в чем состояли отступления в поведении приходского духовенства Енисейской епархии от нормативных требований. Сопоставляя данные за 1901–1913 гг., можно сказать, что число подвергшихся наказанию священно- и церковнослужителей было невелико – от 19 до 35 человек в год, или 1,5–3 % от их общей численности¹⁸. При этом большинство подверглось наказаниям по причине упущений по службе: чаще всего за отступления от правил венчания браков и небрежности в ведении церковной документации, реже – за «опущение богослужений и треб», а также пастырских обязанностей. Наказывали также за нетрезвость, причем чаще церковнослужителей, чем священников. Иногда их поведение настолько не соответствовало нормам, что в отчетах описывалось в деталях. Так, в отчете о состоянии Енисейской епархии за 1901 г. подробно перечислены все проступки Петра Климовского, исполняющего должность псаломщика Черно-реченской церкви Ачинского уезда. Он был наказан «за нетрезвую жизнь, посещение питейного дома для пьянства, появление в пьяном виде в публичных местах, пляску в публичных местах под игру на гармонике и пение скабрёзных песен»¹⁹. Показательно, что вина псаломщика видится не столько в самом пьянстве, сколько в его публичных действиях в пьяном виде, поэтому в качестве наказания он был отправлен на три недели в Знаменский скит под епитимью, «с предоставлением ему права проситься на псаломщическое место в какой-либо из беднейших приходов епархии». Этот пример свидетельствует о вынужденном снисхождении церковных властей к серьезным отступлениям «сущего» от «должного». Среди единичных проступков представителей духовенства Енисейской епархии в начале XX в. упоминается небрежное отношение к школе и преподаванию Закона Божьего, донос на учительницу, грубые и не дозволенные учебной практикой приемы водворения среди учащихся школьной дисциплины, а также любовная связь,

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 419. Л. 31.

¹⁷ Там же. Д. 77. Л. 7.

¹⁸ Подсчитано по: РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1894. Л. 17–19; Д. 2088. Л. 15–20 об.; Д. 2453. Л. 33 об. – 39 об.; Д. 2578. Л. 59 об. – 63.

¹⁹ Там же. Д. 1894. Л. 19.

покушение на самоубийство, картежная игра, «обозвание» в церкви крестьянина «дураком» и в целом грубое обращение с прихожанами.

В отчете о состоянии Енисейской епархии за 1913 г. приведены данные о возрасте и образовании наказанных священно- и церковнослужителей. Из них видно, что упущения по службе не зависели ни от того, ни от другого показателя: среди наказанных – лица от 29 до 69 лет и от окончившего Московскую духовную семинарию до получившего только домашнее образование. В то же время отступления от норм поведения были характерны скорее для лиц среднего возраста с неоконченным духовным или светским образованием. Епархиальные архиереи полагали, что «главнейшей причиной падений и проступков священно- и церковнослужителей по-прежнему следует признать праздность их. Некоторые священники (к счастью, немногие) до того обленились, что всю свою деятельность ограничивают совершением служб и требоисправлений, не стараясь прояснить себе ни того, для чего они живут, ни того, что, как и почему по своему званию должны делать, не занимаются ни самообразованием, ни чтением книг, ни воспитанием паствы по духу православной церкви»²⁰. Средством борьбы с праздностью считали самообразование, для которого всем членам причта рекомендовали выписывать церковные книги и журналы, а также светские журналы и газеты – «первые для того, чтобы обогатить себя необходимыми познаниями для достойного прохождения пастырских своих обязанностей, в частности учительской, а вторые – для ознакомления с движениями современной мысли»²¹. Таким образом, в начале XX в. светские знания уже повсеместно рассматривались как необходимая часть образования пастырей.

В Забайкальской епархии в начале XX в. причины наказаний священно- и церковнослужителей были примерно те же: упущения по службе, нетрезвость, оскорбления словом и действием и др. Однако, если архиереи Енисейской епархии полагали, что степень нравственного влияния священников на паству определяется не столько степенью умственного развития, сколько их нравственными качествами, то в Забайкальской епархии считали, что именно образовательный уровень обуславливает все остальные характеристики пастырей. В 1905 г. в Забайкальской епархии лишь 20 % священников имели полное семинарское образование, и «при таком образовательном цензе многого нельзя требовать от пастырей; приходится обращать внимание лишь на то, чтобы они были трезвыми и благопристойными в жизни»²².

Вопросу борьбы с пьянством вообще придавалось большое значение в отчетах о состоянии епархий. Кроме того, что от самих пастырей требовалась безусловная трезвость, они должны были бороться с пьянством в своих приходах. И личный пример признавался самой «могущественной мерой», за которой следовали словоубеждение, распространение брошюр о вреде пьянства, а также меры, требующие взаимодействия с обществом. Среди них: сокращение или закрытие кабаков, перенесение базаров с воскресных и

²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1894. Л. 19 об. – 20.

²¹ Там же. Л. 20 об.

²² Там же. Д. 2579. Л. 6 об.

праздничных дней на будни, закрытие торговли «питиями» в праздничные и воскресные дни, учреждение попечительств о нравственности народной²³.

Таким образом, приходское духовенство должно было активно сотрудничать с паствой по вопросам, выходящим за рамки их прямых пастырских обязанностей. В отчетах встречаются примеры успешности такой деятельности: в Енисейской епархии в 1875 г. в двух приходах Красноярского округа жители, по убеждению священников, «положили не иметь в своих селениях питейных заведений», в 1889 г. в той же епархии «со стороны некоторых прихожан поступили приговоры о закрытии кабаков, каковые и препровождались на утверждение к местному губернатору»²⁴.

Приведенные рекомендации свидетельствуют о том, что повышалась и поощрялась ответственность приходского духовенства не только за пастырское, но и за общественное служение. Учитывая изменившееся отношение к светскому самообразованию и усилившиеся надежды на возможность священников стать не только духовными наставниками, но и поводырями в меняющемся мире, можно говорить об определенном «обмирщении» этоса духовенства. Анализ отчетов о состоянии епархий позволяет рассматривать этос как один из показателей процесса превращения белого духовенства из сословия в профессиональную группу через трансформацию нормативно-ценностной системы.

Список литературы

1. *Ильин И. А.* Основы христианской культуры. Мюнхен : Издание Братства Преп. Иова Почаевского, 1990. 51 с.

Reflection of the Clergy Ethos in the State of the Dioceses Reports on Eastern Siberia (the Second Half of the 19th – Early 20th Century)

G. V. Oglezneva

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. This article examines the reports on the status of the Irkutsk, Yenisei and Trans-Baikal dioceses as a source for studying the clergy ethos, which is defined as the correlation of normative values with their practical activities and everyday behavior. The author reconstructs the normative model of behavior of the white clergy and its transformation in connection with the change in the objective conditions of its activities. The author analyzes the ideas of the diocesan leadership about the differences between “what is” and “what is proper” in the clergy pastoral activities, causes, consequences and measures to overcome these differences. The content of the reports allows us to conclude that in the late 19 – early 20 centuries there was a certain “worldliness” (Great Apostasy) of the clergy ethos, since the normative behavior model implies an increase in the responsibility of the parish clergy not only for pastoral, but also for public service.

²³ РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1281. Л. 55.

²⁴ Там же. Д. 625. Л. 5; Д. 1281. Л. 55 об.

Keywords: reports on the dioceses state, ethos, clergy, Eastern Siberia, the second half of the 19 century.

For citation: Oglezneva G.V. Reflection of the Clergy Ethos in the State of the Dioceses Reports on Eastern Siberia (the Second Half of the 19th – Early 20th Century). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 36, pp. 23-31. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.23> (in Russian)

References

1. Илин И. А. *Osnovy hristianskoj kultury* [Fundamentals of Christian Culture]. Munich, Publishing House of the Brotherhood of the Rev. Iov Pochaevsky, 1990, 51 p. (in Russian)

Оглезнева Галина Васильевна

*кандидат исторических наук, доцент,
кафедра истории России
Иркутский государственный университет
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
e-mail: gogl@mail.ru*

Oglezneva Galina Vasilievna

*Candidate of Sciences (History), Associate
Professor, Department of History of Russia
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation
e-mail: gogl@mail.ru*